

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ В. Ф. ДЖУНКОВСКИЙ В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ 1917 г.: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Статья посвящена мало изученному периоду жизни Владимира Федоровича Джунковского (1865–1938) – известного государственного деятеля России начала XX в. На материалах личного фонда рассматривается поведение генерал-лейтенанта В. Ф. Джунковского, находившегося в действующей армии на Западном фронте, в экстремальной ситуации Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

В. Ф. Джунковский

Февральская и Октябрьская революции 1917 г., смена политического режима в условиях военных действий, безусловно, явились экстремальной ситуацией для граждан России, особенно для тех из них, кто находился на острие событий, занимая ответственный пост, и вынужден был соотносить свои старые принципы работы с новыми политическими реалиями.

Война была основным катализатором революционного процесса 1917 г., и армия в конечном итоге решила судьбу революции. Поэтому именно командиры различных уровней оказались в наиболее тяжелой и даже трагической ситуации. Они вынуждены были считаться с демократизацией армии и фактическим двоевластием во время ведения боевых действий.

В данной статье в центре нашего внимания оказывается государственный деятель России начала XX в. Владимир Федорович Джунковский, который приобрел известность прежде всего как московский губернатор (1905–1913), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1913–1915). В 1915–1917 гг., находясь на Западном фронте, он занимал должности командира бригады, дивизионного начальника и командира корпуса.

На материале неопубликованных мемуаров В. Ф. Джунковского, хранящихся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 826), мы рассмотрим его поведение в ситуации революции. Воспоминания, охватывающие всю его служебную деятельность, Джунковский писал в советское время и продал их Центральному литературному музею в 1934 г.

Личность Владимира Федоровича, его губернаторство и особенно проведенная им реорганизация политической полиции привлекают внимание исследователей [1, 2]. Но военный период жизни Джунковского никогда не освещался подробно в биографических статьях о нем. Между тем обстоятельства, в которых он оказался в 1917 г., были самыми сложными за все время его службы. Их можно сравнить только с Декабрьским вооруженным восстанием

в Москве в 1905 г. Тем интереснее посмотреть на его поведение в экстремальной ситуации, которая всегда провоцирует раскрытие в человеке самых глубоких пластов его личности, во многом выявляет его истинную суть.

Получив военное образование в элитном Пажеском корпусе в Петербурге, Джунковский в 1884 г. был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, где получил чин поручика. С 1891 г. он служил адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, в 1900 г. был произведен в капитаны, в 1905 г. стал полковником и флигель-адъютантом Свиты, в 1908 г. он был произведен в генерал-майоры Свиты. Выполняя свои свитские обязанности, Джунковский часто лично общался с Николаем II, заслужил его расположение, неоднократно получал подарки от царя. Владимир Федорович с гордостью вспоминал о своем последнем губернаторском отчете за 1912 г., представленном императору, на котором Николай II собственноручно написал слова, ставшие для него лучшей наградой на всю жизнь: «Выражаю мою искреннюю благодарность Джунковскому за примерное и блестящее управление Московской губернией» [3].

Однако в 1915 г. Владимир Федорович был отстранен от должности товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов после того, как сделал доклад императору по поводу неподобающего поведения Григория Распутина в ресторане «Яр».

По собственной просьбе он был отправлен в действующую армию.

Джунковский был назначен бригадным командиром 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Но если офицеры сначала с любопытством и недоверием смотрели на свитского генерала, то для новобранцев, прибывших из Московской губернии, он оказался старым знакомым.

«Я велел им выстроиться, – вспоминал Владимир Федорович, – спросил, не помнит ли кто из них меня? На это раздались голоса, страшно тронувшие и взволновавшие меня: «Так точно, Вы изволите быть Жонковский, наш губернатор». «Вы приезжали к нам на новогодние». «Вы были у нас на освящении памятника». «Вы были у нас в школе». С большим подъемом провожали они меня, когда я с ними простился» [4, л. 21, 22]. Такую искреннюю симпатию Джунковский заслужил благодаря своей неустанной заботе о насущных нуждах населения, открытости для всех слоев общества и участию в судьбе конкретных людей. Немаловажную роль сыграла и ответственность перед законом, которая одинаково распространялась как на простого крестьянина, так и на него самого. Принципом, согласно которому «власть существует для населения, а не наоборот», Владимир Федорович руководствовался и во время губернаторского правления, и на военной службе.

Самым серьезным образом относился он к питанию солдат, проверяя запасы продовольствия и качество приготовляемой пищи. Заботился о надлежащем содержании лазаретов и оказании помощи раненым. Например, инспектор Дербышев, потерявший при разрыве снаряда оба глаза, был эвакуирован в Москву, по просьбе Джунковского Великая княгиня Елизавета Федоровна взяла его к себе в приют для слепых воинов.

Окончательное признание стрелков Джунковский получил после его боевого крещения недалеко от озера Нароч, когда он в течение 9 дней находился на передовой линии. О Джунковском стали слагать легенды. «Слушая эти рассказы, я убеждался, – писал Владимир Федорович, – как легко на войне давалась популярность, надо было только добросовестно самому ис-

полнять долг и заботливо относиться к подчиненным, входить в их нужды, смотреть на них не как на пушечное мясо, а как на людей, не сентиментальничая при этом и не играя на популярность. Больше ничего не требовалось, и за таким командиром люди пойдут куда угодно, будут переносить с ним всякие лишения, я не раз замечал, как вся эта серая масса необыкновенно чутка» [4, л. 200].

Своим добросовестным исполнением долга Джунковский заслужил уважение и офицеров, которые во время полковых праздников носили его на руках, и начальника дивизии генерал-лейтенанта А. Е. Редько. В приказе о переводе Джунковского на новый пост командующего 131-й пехотной дивизией он писал: «Я теряю незаменимо отличного помощника и человека, который, стоя отдельно высоко на пьедестале долга и службы... в то же время был высокогуманным начальником и прекрасным отзывчивым с добрым сердцем человеком» [4, л. 285].

Итак, спустя год после возвращения в армию 21 ноября 1916 г. Джунковский стал начальником дивизии, переименованной по его просьбе в 15-ю Сибирскую стрелковую. На новом посту он продолжал внушать офицерам необходимость непосредственного контакта с подчиненными. Офицер, по мнению Владимира Федоровича, должен был «интересоваться не только их службой в роте, но и домашней, семейной жизнью, быть другом, постараться, не популярничая, заслужить доверие и уважение, беседовать с ними всегда и везде – на досуге, на привалах, в походе, служить им примером в исполнении долга» [4, л. 298]. «Офицер в роте, – писал Джунковский в своих воспоминаниях, – должен почитать свое положение среди нижних чинов своего рода апостольством и не скрывать под спудом свое превосходство в знании и умственном развитии над нижними чинами» [4, л. 298].

Не жалея сил, Джунковский приводил в «христианский вид» лазареты для раненых, не жалел денег на приобретение походных церквей для полков дивизии. Все, что только можно было сделать для облегчения несения службы стрелкам, было сделано. К примеру, блиндажи и лисьи норы были освещены стеариновыми свечами, которые Джунковский лично выписывал на хозяйственные суммы из Петрограда прямо с завода.

Основной заботой начальника дивизии в течение 1916 г. был все ухудшающийся состав офицерства. «Скороспелые прапорщики без воспитания и образования были чистое горе» [4, л. 256]. Как пишет М. Френкин, об изменении социального состава офицерства за два года войны говорили абсолютно все очевидцы и участники тех событий [5].

В начале 1917 г. остро стоял вопрос об обеспечении дивизии продовольствием. Выручали старые связи: 27 февраля пришел вагон с подарками для дивизии от чинов Отдельного корпуса жандармов.

Ко 2 марта дивизия Джунковского «стояла стойко на позиции, свято и непоколебимо продолжая выполнять свой долг перед Царем и Родиной, переноса и невзгоды, и всякие лишения с полным самоотвержением».

«Мы были далеки от мысли, – писал он в воспоминаниях, – что в это время в Петрограде совершился уже переворот, что Государь отказался от престола, что монархия перестала существовать. Никаких слухов, никаких признаков не было» [6, л. 400].

Когда же известие об отречении императора достигло 15-й дивизии, Джунковский лично объехал все полки, команды и части дивизии, беседа со

стрелками, стараясь, чтобы они все узнавали непосредственно от своих офицеров, а не подпольными путями, требовал, чтобы ротные командиры постоянно общались со стрелками.

«В объезде всех частей я вынес впечатление, – писал Владимир Федорович, – что большинству происшедшая перемена в правлении России была безразлична, их интересовала она только с точки зрения продовольственной – будут ли их лучше или хуже кормить, другая часть, напротив, была очень рада новому режиму, жадно набрасывалась на газеты и на всякие известия, очень многие жалели государя, других шокировали крайности... они никак не могли с ними мириться. Все в один голос приветствовали назначение великого князя Верховным Главнокомандующим» [6, л. 12]. В полках Джунковский призывал помянуть молитвой бывшего государя, чтобы Господь помог ему перенести испытание и «чтобы принесенная им жертва способствовала бы счастью... матушки-России» [6, л. 10]. При этом сам он продолжал какое-то время носить вензеля с погонами отрекшегося государя и первые приказы после отречения подписывал следующим образом: «свиты генерал-майор».

«Мне было слишком тяжело сразу сбросить с себя звание «Свиты», по-прежнему как бы идеалы, которыми я жил. <...> Некоторых смущало, что я хожу в погонах с вензелями отрекшегося государя, других это коробило, большинство же с уважением относилось к этому», – писал Джунковский в 20-е гг. [6, л. 8]. Но в то же время он обратился к командиру корпуса с просьбой представить его к производству в генерал-лейтенанты, что автоматически сопровождалось снятием вензелей. Одновременно 21 марта последовало распоряжение из ставки об упразднении званий генерал-адъютанта, свиты генерал-майора и флигель-адъютанта. Джунковскому «пришлось во исполнение этого приказа снять свитскую форму, а с нею и вензеля» [6, л. 9].

11 марта последовал приказ принести присягу на верность российскому государству и повиновение Временному правительству, восстанавливающему это государство. «Этой присягой я как бы отрекался от всего, что читал с детства, – говорит Джунковский в своих воспоминаниях, – я работал над собой, чтобы этот разлад, происходивший в моей душе, не вырвался наружу, так как тогда я был бы не в силах сохранить дивизию от развала» [6, л. 24]. Теперь основная цель Джунковского как начальника дивизии была четко определена – сохранить боеспособность дивизии для дальнейшего продолжения боевых действий, что было очень непросто, т.к. одновременно 12 марта пришло распоряжение об учреждении в полках самостоятельных солдатских организаций и нужно было так руководить, чтобы выборные комитеты не отклонялись от своих задач и не вторгались в чисто боевую работу дивизии. Джунковский просил офицеров не отказываться от вступления в солдатские организации, поскольку лишь путем совместных собеседований можно было выработать «строгую организацию ради братства и победы над врагом» [6, л. 31].

Представитель Временного правительства известный кадет Н. Н. Щепкин прибыл на Западный фронт в марте и выступал перед стрелками Джунковского, призывая к поддержке Временного правительства и войне до победного конца. Он заставил Джунковского «забыть все, что накопилось в душе против него еще с 1905 г., когда он так вооружил его против себя своими резкими выступлениями» [6, л. 33 об.]. «Мы с Щепкиным обнялись тут же на трибуне, при прямо неистовых криках 7 тысяч солдат моей дивизии», – вспоминал Владимир Федорович.

Вскоре определилась и дальнейшая тактика поведения Джунковского в отношении комитетов – стремление к сотрудничеству для обеспечения боеспособности дивизии при строгом разделении властных полномочий в соответствии с действующими законами. В чем-то здесь можно провести аналогию с ситуацией с вензелями. Джунковский смирился с неизбежным, но в то же время в своих действиях опирался на новый закон. Причем те методы убеждения и аргументы, которые применял Владимир Федорович, вполне укладываются в концепцию «национальной идеологии», которую пыталась внедрить в сознание масс новая политическая элита. Как пишет современный исследователь И. Л. Архипов, новая «общенациональная идеология» может рассматриваться в качестве попытки элиты создать механизм политико-психологической адаптации к новым реалиям. Пропаганда нового политического менталитета «граждан свободной России» призвала людей быть достойными обретенной свободы гражданами, выполнять свой долг и подразумевала, что «свободный народ» будет впредь демонстрировать «единение», «сознание», «организованность», пойдет на самоограничение своих потребностей [7, с. 321].

Джунковский также не уставал повторять своим командирам и рядовым, что «чем больше дается свободы, тем больше требуется от каждого соблюдения порядка и законности» [8, л. 31], а также то, что права солдат не могут отменить их обязанностей и необходимости выполнять свой долг перед Родиной.

Еще в начале марта, объезжая полки и увидев на землянках саперной роты красные флажки, он внушал солдатам, что этот цвет означает не свободу, а кровь и красные флаги являются эмблемой кровавой революции. «У нас же, как известно, революция прошла бескровно» [8, л. 12], – добавлял Владимир Федорович.

Интересно, что празднование 18 апреля по новому стилю было приказано отметить как международный рабочий праздник. Солдаты 60-го полка обратились с претензией к Джунковскому по поводу отсутствия организованного праздника, и он предложил им самим составить программу и отметить 1 мая по-русски, т.е. по старому стилю. Праздник же оказался смесью старого с новым.

Поехав утром в полк, Владимир Федорович уже издали увидел длинную полосу флагов и стягов, которые целую неделю сшивали и вышивали солдаты, у всех офицеров и солдат на груди горел красный бантик. «Надписи были всевозможные, – писал впоследствии Джунковский, – и, к моей радости, ни одной против войны или за мир. По окончании молебствования священник о. Павел Мансуровский... сказал чудное слово, посвященное Первому Мая, с чисто христианской точки зрения, произведшее огромное впечатление. <...> Я предложил, чтоб каждый про себя подумал, считает ли он себя достойным праздновать этот день, и помнил, что звание свободного гражданина возлагает на каждого такого большую ответственность перед Богом в лице своей совести и перед Родиной» [8, л. 59 об.].

Здесь также ясно прослеживается переплетение архетипов патриархального религиозного сознания с новыми идеологическими установками, о котором говорит И. Л. Архипов, указывая на «наличие в зарождающейся мифологии «Свободной России» элементов традиционной православной культуры, в том числе ее символики и социолекта» [8, с. 149].

Однако Джунковский как начальник дивизии заслужил доверие и уважение прежде всего благодаря заботе о подчиненных, об их продовольствии, лечении, воздании должных почестей убитым, на погребении которых он всегда присутствовал лично.

22 марта на общем собрании дивизии по поводу выработки резолюции, которую выборные от дивизии должны были прочесть в Петрограде, было решено выразить благодарность Джунковскому за то, что он всегда отстаивал офицерские и солдатские интересы и заботился о стрелках. Постановление это было встречено бурными криками «ура». «Это меня очень тронуло, – писал Владимир Федорович, – тем более что я никогда ничего не делал для своей популярности, просто-напросто стремился исполнять только свой долг» [8, л. 39].

Несмотря на то, что случаи эксцессов в начале 1917 г. в дивизии Джунковского были единичными (братание с немцами, устранение от должности офицерами и солдатами командира 57-го полка, отказ от исполнения боевого приказа), он писал в донесении командиру корпуса, что «начальствующие лица и кадровые офицеры чувствуют себя как на вулкане, т.к. каждый из них отдает себе полный отчет, что достаточно малейшей неосторожности с его стороны... чтобы стихийно исчезло к нему все доверие солдатской массы.... Войска, стоящие на фронте, скорее пригодны для обороны, чем для наступления» [8, л. 47].

И хотя отношение к Джунковскому было лояльным, ему «приходилось все время следить за настроением... а иногда волей-неволей прибегать и к компромиссам, что для него всегда бывало особенно мучительно и тяжело».

В конце апреля у Джунковского наладились хорошие отношения с дивизионным комитетом. Все протоколы представлялись ему, и постановления приводились в исполнение только после его утверждения. Этот порядок, который ему удалось установить, способствовал сохранению порядка в дивизии.

В то же время Джунковский постоянно обращался напрямую к полковым и ротным комитетам, призывая их бороться против симулянтов, стремящихся попасть в тыл, и за поддержкой в борьбе за сохранение дисциплины и порядка. И здесь мы можем наблюдать тот отход комитетов от широких слоев солдат, начавшийся уже в апреле 1917 г., о котором пишет в своей монографии М. Френкин [5, с. 78].

В июне 1917 г. Джунковский был вызван в Петербург для дачи показаний перед чрезвычайной следственной комиссией. В Петербурге он встретился с Керенским. «Никакой искры я в нем не заметил, – писал Владимир Федорович», – передо мной было просто ничтожество, у которого пороха больше не осталось, и все, что он говорил о войсках... только свидетельствовало, как он мало во всем этом смыслит и плохо разбирается. Ушел я от него с очень неприятным чувством, что Россия потеряна, к этому присоединилось еще и другое – чувство недовольства собой... мне казалось, что я сделал что-то плохое, кому-то изменил, отправившись к нему» [8, л. 97].

Между тем вести из родной дивизии не радовали: бригадный командир доносил об аресте полковника Элерца своими же солдатами и о других брожениях под впечатлением агитации с тыла и прибывшей из Петрограда пулеметной команды Кольта. Все ждали возвращения начальника дивизии как некой силы, способной повлиять на ситуацию. «Меня такая встреча очень тронула, – говорит Джунковский в своих воспоминаниях, – но и смутила,

слишком много надежд они возлагали на мое влияние, а я чувствовал, что мои нравственные силы постепенно уходят» [8, л. 98 об.].

Как всегда, действуя строго по закону, Джунковский передал все дело об аресте Элерца солдатами 58-го полка судебному следователю 9-го армейского корпуса и, по своему обыкновению, сам отправился на место происшествия, заходя почти в каждую избу, где размещались солдаты, пробуя пищу и обращаясь к некоторым с вопросами, чтобы лично убедиться в том, что в общем настроение солдат было хорошим.

В донесении командиру корпуса 28 июня 1917 г. Джунковский писал: «...дезорганизации способствовали и способствуют ряд последних распоряжений... вливание в части дезертиров из тыла, амнистированных каторжан, совершенно не служивших белобилетников и даже просто бродяг, подбираемых полицией. Среди офицерского состава в каждом полку имеются лица большевистского направления в лице прапорщиков, с которыми борьба при нынешних условиях невозможна, т.к. всякая пропаганда считается законной. Дивизия таким образом постепенно в дисциплинарном отношении разваливается. Дисциплины и порядка нет и восстановить их при всем желании нет возможности, можно только поддерживать равновесие» [8, л. 107]. К чести Джунковского следует сказать, что в своем донесении он ориентировался на дореволюционный период и оценивал состояние своего подразделения по самым высоким меркам. На самом деле по сравнению с другими дивизиями дела у него обстояли хорошо.

Как пишет исследователь М. Френкин, «в целом настроение войск представляло зачастую довольно пеструю картину» [5, л. 82].

Относительное благополучие дивизии Джунковского не нравилось существовавшему в то время Минскому фронтовому комитету, который образовался явочным порядком вопреки закону и хотел быть хозяином положения, не стесняясь, по словам Джунковского, никакими рамками и диктуя свои постановления низшим органам. «Армейский исполнительный комитет, – писал Владимир Федорович, – будучи органом Минского фронтового комитета, не мог никак успокоиться, что моя дивизия составляет исключение. Он и возбудил вопрос о необходимости созыва съезда в дивизии для выбора исполнительного комитета, предложив это на обсуждение дивизионного комитета. Комитет вынес постановление о созыве съезда» [8, л. 124 об., 125]. Командующий армией на записке, поддержанной командиром корпуса, наложил резолюцию «созвать съезд», что противоречило всем официальным приказам. «Это меня взорвало, – вспоминает Джунковский, – я решил немедленно ехать в Минск к главнокомандующему Фронтом, а если и там ничего не выйдет – в ставку с просьбой уволить меня» [8, л. 125 об.]. Решительность и негибкая принципиальность Джунковского возымели действие – съезд действительно был отменен.

Тревога за состояние воинской дисциплины усиливалось по мере роста радикальных настроений в обществе. В донесении командиру корпуса 30 августа 1917 г. Джунковский, в частности, докладывал, что сторонников Ленина среди солдат-большевиков много, их проповедь встречает сочувствие, пропаганда ведется сильная, хотя скрытая, настроение в массе совершенно безразличное, все текущие события волнуют небольшую группу людей. И в противоречие себе он добавляет: «Только вопрос питания интересует всех до единого и, конечно, вопрос о мире, каковой для них не безразличен... неко-

торых солдат возможность хотя бы благодаря суду уйти на время в тыл поощряет даже на преступления» [8, л. 144 об., 145].

В конце августа уже сам Джунковский получил анонимное письмо, в котором говорилось, что если солдаты с передовой не будут отправлены в тыл, то его жизни будет угрожать опасность. На это начальник дивизии открыто объявил по дивизии, что час его настанет не тогда, когда захочет этот негодяй, а тогда, когда будет угодно Господу Богу. «Я умру за Родину, – писал Джунковский, – никакая опасность, никакая угроза не заставит меня покривить душою или смалодушничать. Предупреждаю всех, что как я стоял на страже закона и долга до сих пор, так буду стоять и до конца войны, пока моих сил хватит нести взятый на себя долг защиты Родины, и никакие угрозы не заставят меня уклониться от своих обязанностей» [8, л. 141].

В начале сентября после почти годового командования 15-й Сибирской стрелковой дивизией Джунковскому было предложено принять командование 3-м Сибирским армейским корпусом. Его провожали представители всех частей дивизии, в том числе и солдаты, один из которых сказал: «Мы никогда не забудем нашего начальника дивизии, которого всегда можно было встретить то ночью, то днем без всякой свиты проходящего по окопам скромно, без всякого оружия, со своей кривой палочкой». «Последнее меня особенно тронуло, – писал Джунковский впоследствии, – я и правда всегда всюду хожу со своей палочкой, хожу с нею и посейчас, когда пишу эти строки 7 лет спустя» [8, л. 158, 158 об.]. Собрание офицеров, врачей и чиновников 60-го полка постановило учредить стипендию имени начальника 15-й Сибирской стрелковой дивизии В. Ф. Джунковского, чтобы на проценты с капитала воспитывались сироты погибших в настоящую войну воинов 15-й Сибирской стрелковой дивизии, «дабы они были постоянными молитвенниками за христиански любвеобильную душу достопочтенного Владимира Федоровича» [8, л. 158, 158 об.].

В качестве командира корпуса Владимиру Федоровичу пришлось решать те же задачи, что и в дивизии, но в большем масштабе и со все увеличивающейся интенсивностью. Отношения с корпусным комитетом так же, как и с дивизионным, сложились хорошо. Члены корпусного комитета помогали уговаривать полки, отказывающиеся идти на позиции. Каждый случай отказа от выполнения приказа и удаления командира Джунковский рассматривал в соответствии с действующими приказами (хотя в соответствии с ними власть командного состава продолжала уменьшаться) и всегда лично посещал бунтующие части, призывая прекратить митинги и начать работать. К этому прибавились и новые обязанности по подготовке выборов в Учредительное собрание.

Вести об октябрьском перевороте, как и о Февральской революции, пришли в корпус Джунковского с опозданием.

25 октября был получен приказ Керенского, содержащий перечень мер, необходимых для восстановления дисциплины и водворения порядка в частях армии и борьбы с большевизмом, который, по словам Джунковского, при поддержке фронтового и армейского комитетов все более и более захватывал массы. Его влиянию помогал противостоять корпусный комитет. «Благодаря этому и равновесие у меня в корпусе не нарушалось, – писал Джунковский, – и, глядя со стороны, все как будто было блестяще, позицию обороняли, брататься с немцами не ходили, по ночам ходили на разведки, а что касается ар-

тиллерии, то в боевом отношении она не оставляла желать лучшего, спуску немцам не давала» [8, л. 178].

К первым числам ноября, когда известие о падении Временного правительства наконец дошло до корпуса Джунковского, было издано новое Положение о войсковых комитетах, согласно которому власть командного состава умалаялась еще больше. «Я старался всеми силами поддержать офицеров нравственно, входя в их положение, и мне удалось сохранить равновесие, – писал Владимир Федорович, – ни одного эксцесса насилия по отношению к офицерству у меня в корпусе не было. Я продолжал посещать окопы и тыловые учреждения, обрезаю уже в ноябре, когда развал вокруг был полный, корпусную хлебопекарню» [8, л. 179 об., 180].

Джунковский чувствовал, что его влияние еще не потеряно, что с ним считаются, и ему даже удалось наладить отношения с новым корпусным комитетом, во главе которого стоял большевик. Тем не менее, нервное напряжение дало о себе знать сердечным приступом, после чего он получил разрешение на 7-недельный отпуск для лечения на Кавказе, куда он намеревался ехать после выполнения своего гражданского долга и подачи голоса в Учредительное собрание.

Однако затем Джунковский решил ускорить свой отъезд, т.к. с 14 ноября фактически перестал командовать корпусом и не мог отдать ни одного приказа, не зная, будет ли он соответствовать новым взглядам, не последует ли свыше противоположное распоряжение.

Вести, полученные Джунковским впоследствии, подтвердили его худшие опасения: 15-я Сибирская дивизия, которой он прокомандовал почти год, после его отъезда стала разваливаться, причем 60-й Сибирский полк, который так трогательно провожал его, самовольно ушел с фронта для укрепления революции в тылу. То же случилось и с корпусом: большая часть самовольно разбежалась, а позже и комитет, и штаб, и остатки корпуса покинули позицию, уступив территорию немцам.

Таким образом, В. Ф. Джунковский в один из самых сложных периодов своей служебной карьеры, в экстремальной ситуации, угрожающей его жизни, остался верен всем тем нравственным и религиозным принципам, которыми он руководствовался ранее еще во времена своего губернаторства. Он до конца честно исполнял свой долг и в обстановке двоевластия всеми силами боролся за соблюдение закона, проявив самые достойные качества офицера русской армии, что помогло ему сохранить свою жизнь, достоинство и боеспособность его армейских подразделений. И хотя ситуации, описанные Джунковским, подтверждают уже известные факты, его опыт заслуживает внимания как пример того, что отношение к людям, основанное на принципах христианского милосердия, в какой-то степени смогло противостоять жестокости, хаосу, массивной пропаганде, хотя, конечно, не в силах было переломить общий процесс, происходивший в русской армии в 1917 г.

Список литературы

1. **Розенталь, И. С.** Страницы жизни генерала Джунковского / И. С. Розенталь // Кентавр. – 1994. – № 1. – С. 90–103.
2. **Пушкарева, И.** Джунковский и его воспоминания / И. Пушкарева, З. И. Перегудова // Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский. – М., 1997. – Т. 2. – С. 5–27.
3. **Джунковский, В. Ф.** Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский. – М., 1997. – Т. 2. – С. 114.

4. ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 58. Л. 21 – 22.
5. **Френкин, М.** Русская армия и революция 1917–1918. – Мюнхен, 1978. – С. 22.
6. ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 58.
7. **Архипов, И. Л.** Российская политическая элита в феврале 1917 года / И. Л. Архипов. – СПб., 2000. – С. 321.
8. ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 59.